

**НИНА
ПРОСТО
ЗАПУТАЛАСЬ**

**МАРИНА
КОТЫКИНА**

18+

Марина Копытина

Нина просто запуталась

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42649709

SelfPub; 2019

Аннотация

Роберт Пэл – полицейский, в прошлом неудавшийся психоаналитик, который расследует таинственную смерть рок-звезды. Во время расследования он случайно знакомится с Ниной, биоинформатиком. Он начинает подозревать, что Нина имеет какое-то отношение к этому преступлению. Роберт борется с двумя желаниями: помочь Нине обрести душевный покой или выполнить свой служебный долг.

Содержание

НИНА ПРОСТО ЗАПУТАЛАСЬ	4
Глава 1. Неудачный день для Ника	6
Конец ознакомительного фрагмента.	66

НИНА ПРОСТО ЗАПУТАЛАСЬ

Все самое захватывающее, что бывает во вселенной, начинается так: ты идешь по улице, погруженный в свои мысли. Или едешь в автобусе. Или стоишь у кассы в супермаркете. Перед тобой монотонно меняются виды, проносятся чьи-то голоса, ты касаешься разных людей. Все, что ты делаешь и о чем думаешь, все, что происходит вокруг изо дня в день, настойчиво шумит, утомляя систему чувств. И только находясь в этом состоянии ментальной усталости, когда вот-вот заболит голова, можно поймать искру настоящей эмоции. Какая-то мелочь, которая случайно попала в зону внимания, пронзает насквозь, удивляет и полностью меняет состояние души.

Подобное чувство можно испытать, если наблюдать за пылинками в солнечном луче: они падают, как в замедленной съемке, убегают от сквозняка. И когда ты уже погружен в это медитативное созерцание, одна блеска, заблудшая сюда из другого, непылинного, мира, дерзко сверкает прямо перед твоим носом.

И вот тощий студент сидит на полу с блаженным выражением лица. Разглядывая пылинки, он думает не о том, что в комнате пора прибраться, и не о проваленном экзамене, из-за которого не спал всю ночь. Даже голодный желудок пере-

стал урчать. Он думает о симпатичной соседке в искрящемся платье, которая чуть не сбила его с ног в лифте полчаса назад. Любви с первого взгляда не бывает, но бывает любовь с одной случайной блески.

Глава 1. Неудачный день для Ника

1

Фигура Ника Кейва в свете прожекторов была похожа на огромного черного богомола. Такая же худая, длинноногая, со сложенными на микрофонной стойке руками. Зрители, в большинстве своем девушки, визжали и тянулись к его ступням, когда он присел на край сцены. Первые аккорды на фортепиано, и его бархатный низкий голос начал убаюкивать взорвавшуюся аплодисментами толпу. «Люди вовсе не добрые», – пел он, не подозревая, что пророчит истину. Кто-то крикнул, что любит его, и он ответил взаимностью. Отрицая присутствие охранников, он протянул руки к рыжеволосой девушке, вырвавшейся из общей массы, и коснулся ее щеки. Коренастый мужчина в черной форме тут же выставил ее за ограждение, где ее поглотила толпа таких же симпатичных нимф.

– А теперь впустите любовь! – сказал он и начал танцевать. Его движения были импульсивными и энергичными, как будто это было в последний раз.

Концертное агентство «Музеон» гордилось тем, что было первой в мире компанией, закупившей новейшее оборудование – автоматическую сборную сцену «ХэллТек». Стропила, на которых держался каскад софитов, комплекс колонок и мониторов, устанавливались нажатием пары кнопок. Вся эта

конструкция была связана между собой тончайшим и прочным железным тросом, который был своеобразным конвейером: на него, будто вагоны поезда, погружались все осветительные и звуковые приборы.

Все, что требовалось от рабочих, – нажать кнопку «сборка»: стропила разворачивались, скреплялись и вставляли буквой П. После этого оставалось только выставить оборудование на конвейер и нажать «пуск»: трос приходил в движение и тянул за собой на стропила все, что было на нем закреплено. Это было полезным изобретением, потому что клуб, в котором выступал Ник, в другие дни был просто местом для дискотеки, и всю технику можно было компактно хранить на складе. К тому же для установки такой сцены можно было задействовать всего лишь одного рабочего. Экономия была очевидна, и в ближайшем будущем это приобретение должно было окупить себя. «Быть первыми во всем» – вот девиз компании «Музеон».

Никто не понял, как это произошло. По залу волной прокатилось несколько звуков, как будто это говорил единый организм – гигантский многорукий монстр: он сначала издал недоуменное «Ооо», потом устрашающее «Ааа», а затем пустил петухов и перестал владеть своими голосовыми связками. В зале началась паника.

На звуке «о» сверху начали падать вагоны железного поезда – колонки и прожектора. Металлический трос, как в замедленной съемке, спускал их в центр, прямо на голову Ни-

ка. На звуке «а» трос кровожадной змеей обмотался вокруг шеи музыканта. Последней его эмоцией было недоумение. Какой-то добрый рабочий, который следил за всем со стропил сверху, мгновенно очутился у пульта управления и судорожно жал кнопку, поднимающую трос. На месте шеи образовалась зияющая рана, и голос многорукого монстра сорвался. Удивленная голова оторвалась, полетела в зал и в тот же миг упала к ногам красивой девушки, забрызгав кровью ее бледное лицо и изумрудное платье. Толпа расступилась, освобождая ей место. Теперь он навсегда твой, детка.

2

Нина разглядывала белые бороздки на потолке и улыбалась.

– Он тебя найдет.

– Я знаю, – ответила она.

Кисти рук сжимались и разжимались. Она несколько раз порывалась встать – один раз нога даже наполовину свесилась с кровати – но каждый раз передумывала.

– Знаешь, пусть меня накажут. Но это было прекрасно.

– Ага. Что из того, что ты сделала?

– Как раз то, чего я не сделала. Прерванная любовь – прекрасна. – Она длинно улыбнулась, слишком глупо и беспечно. Она называла такую улыбку олигофренической и не позволяла себе так забываться. Хотя в компании Эдди можно было делать что угодно. – Что-то жарко.

Она подошла к окну и подергала ручку. На противоположной стороне улицы стояла толпа из трехсот школьников и учителей – без портфелей, без курток. Пожарная тревога.

Нина снова легла на кровать.

– Как думаешь, кем меня можно назвать? Эмоциональный маньяк? – Она протянула руки в потолок.

– Эмоциональный наркоман.

– Пожалуй, – она пожала плечами. – Нет, все-таки жарко.

Она встала и повернула ручку окна против часовой стрелки. На противоположной стороне улицы уже никого не было.

– Нина, ты ничего не замечаешь за собой?

– Ты о чем?

– Уже стемнело.

– Не пойму, о чем ты.

– Ты в депрессии.

– Неправда.

– Ты уже четыре часа ходишь по комнате, ничего не делая.

И это происходит очень часто.

– Я работаю. Я много работаю. Это нормально – для работающего человека – погружаться в свои мысли и думать, не замечая, как летит время.

– Нет, это признак болезни.

– Ладно. Знаешь, с каких пор я в депрессии и почему?

– Знаю.

– Тогда не говори глупостей.

– Я бы советовал тебе обратиться к психологу.

– Тебе стоило посоветовать это раньше, лет пятнадцать назад.

Он подошел к ней и обнял. Нина заплакала.

– Мне некуда больше идти, Эдди. Что, если это все неправда?

– Ты не веришь в меня?

– Верю. Но что если мой отец действительно болел? Что если у меня шизофрения?

– Ты же знаешь, что это не так.

– Я могу закончить так же, как он.

– Не можешь. Ты уже не такая, как он.

– Он был беспомощным и одиноким.

– Нет, у него была ты.

Нина посмотрела на часы: без четверти три. За окном начинало светлеть.

– Этот полицейский – довольно симпатичный.

– Хотел бы я на него посмотреть.

– Прости, что заставляю тебя ревновать.

– Ничего страшного. Но мы ходим по тонкому льду, ты должна это учитывать.

Нина детально помнила свою встречу с молодым офицером в форме. Почему-то она была уверена, что они встретятся еще не раз. Он ей очень понравился.

Но было кое-что, о чем она забыла, и эта мысль, как надоедливый комар, жужжала в голове, не давая возможности себя поймать.

Неделю назад Нина стояла около концертного клуба и наблюдала, как из здания выводят людей: молодые мужчины были озадачены, а женщины, почти все, рыдали. Она курила пятую сигарету и пыталась понять, изменилась ли она сама за последние полчаса. К ней подошел молодой человек в полицейской форме и попросил закурить. Она равнодушно протянула всю пачку.

– Ужасно, не правда ли? – сказал полицейский.

– Что именно?

– То, что случилось. А вы разве не с концерта этого... Кейва?

– Нет, я просто курю. Концерт отменили?

– То есть вы не в курсе?

– В курсе чего? Я вижу много плачущих девушек. Он настолько плохо пел? – она ехидно улыбнулась.

– Ну вообще... жуткая история. Слава богу, что вы не видели. Ему отрезало голову.

– То есть он умер?

– Как думаете, сколько живет человек без головы?

– Да, действительно. Как это случилось?

– Эти новые технологии... В погоне за деньгами никто не заботится о безопасности.

– То есть?

– Там была установлена автоматическая сцена. Виновата,

скорее всего, концертная компания. Стропила не выдержали под весом всяких навороченных штук и начали сами собой собираться.

– А голова-то тут причем?

– Там был металлический трос.

– Ой... Как жаль. Подождите минутку.

Нина подошла к урне, и ее стошнило. Да, новое чувство, это точно.

– Извините, – сказала она, доставая салфетку из сумочки.

– Вы так отреагировали... Не стоило говорить вам. Все хорошо? – Он внимательно посмотрел ей прямо в глаза.

Гул разочарованных поклонников, шум машин, плохие новости. И вдруг среди этого всего – его озабоченный вид и красивое лицо.

– Нет, все хорошо.

– Хотите, открою секрет?

– Да. – Она улыбнулась.

– Это похоже на несчастный случай, но эта случайность слишком роковая. Я не верю в это. Мне кажется, кто-то хотел его смерти.

Нина ничего на это не ответила. Они постояли молча несколько минут, пока полицейский докурил. Когда он уже собрался уходить, она сказала:

– А знаете, я его любила. Очень.

– Правда?

– Да.

– И почему вас не было на концерте?

– Не захотела. – Нина пожала плечами.

– Это очень странно. А может, это вы головорез, которого мы ищем?

– Ну допустим. И что тогда?

– Мне придется вас наказать. – Он подмигнул ей. – Возможно, арестовать. Посадить в камеру.

Она в растерянности смотрела на него, пытаясь отогнать подступивший к лицу неуместный румянец.

– Ну что вы, я же шучу. – Внезапно весь его шарм пропал. – Мне пора. Спасибо за сигарету.

Он быстро ушел, не дождавшись ее ответного взгляда. Она захотела оставить в воспоминании только те его глаза, в которые почти влюбилась.

4

Всю прошедшую неделю Роберт пытался убедить начальство в том, что смерть Ника Кейва была спланирована, что стоит оставить в покое несчастный случай и начать искать преступника.

Главной уликой была вскрытая бутылка с водой, на которой не было обнаружено ни одного отпечатка пальцев. Все остальные бутылки были закрыты, и на них были пальчики если не участников музыкальной группы, то хотя бы уборщиц или другого персонала. Проверить бутылки – это единственное, на что удалось уговорить старшего детекти-

ва Кюмри. Из-за увлечения психологией у Роберта было хорошо развито шестое чувство и эмпатия. В двадцать лет он бросил обучение в университете на факультете психоанализа. Виноват в этом был Алекс, его лучший друг, который однажды сделал такое, о чем до сих пор помнит весь город.

Когда пытаешься анализировать поведение людей и делать выводы, со временем эти выводы получаются все более и более быстрыми и точными.

Иначе нельзя объяснить способности Роберта к провидению. В тот день, когда он впервые встретил Нину, он, возможно, спас беспечного коллегу от смерти.

Докурив сигарету, которой Нина с ним поделилась, он вернулся на место преступления (или место несчастного случая, как всегда поправляет его Кюмри) и увидел, как Джон поднимает с пола бутылку с водой, готовится открыть ее и сделать глоток. Роберт тогда здорово напугал его, накричав так, что тот выпустил бутылку из рук, и она упала на пол.

Конечно, там были отпечатки Джона. Но больше – ни одного.

Или Джон имеет отношение к этой смерти (в чем он сильно сомневался, потому что, по мнению, Роберта, ему немного не доставало мозгов), или кто-то специально стер отпечатки пальцев перед тем, как поставить бутылку рядом с микрофоном музыканта. А это значит, что в бутылке что-то было.

Это он и собирался выяснить, направляясь в единственную лабораторию в городе, где могли сделать анализ на яды.

Здание «Элайн Фарма» находилось между двумя улицами – широкой Главной улицей, которая простиралась до самой центральной площади, и улицей Рэйлс, находившейся уровнем гораздо ниже Главной. Здание фармацевтической компании стояло как бы на возвышенности, и зайти туда можно было, только поднимаясь по длинной лестнице, начинающейся на Рэйлс-стрит.

Роберт жалел об отсутствии свободного времени для спортзала, борясь с отдышкой на тридцать пятой ступеньке. Он надеялся закрыть это дело до отъезда в отпуск, в загородный дом к своей матери, где он сможет хотя бы бегать по утрам.

Добравшись до цели, он позвонил в дверь, и спустя пару секунд ему открыли.

Он подошел к стойке ресепшена и вытащил значок и удостоверение.

– Детектив Роберт Пэл, – представился он.

Девушка за стойкой приподнялась, чтобы разглядеть документ.

– Добрый день, детектив, чем могу помочь?

Роберт открыл портфель и вытащил оттуда бутылку с водой, завернутую в пластиковый пакет.

– Мы договаривались с лабораторией о проведении анализа на наличие ядов.

– Секунду, я уточню.

Девушка села обратно за стол и набрала номер лаборато-

рии. Она говорила тихо, как будто не хотела, чтобы Роберт ее услышал.

– Сейчас за вами спустятся, – сказала она. – Присядьте вот там. – Она указала на ряд стульев, занимавших всю противоположную стену.

Роберт почувствовал себя школьником, ожидая кого-то или чего-то, сидя на стуле со сложенными на коленях руками. Он ненавидел это чувство – оно возникало каждый раз, когда он общался с коллегами. Они не воспринимали его всерьез из-за того, что он был младше всех в отделе, и теперь он надеялся, что докажет свою правоту, хоть это и стоило жизни невезучему Нику Кейву.

Ему едва удалось убедить детектива Кюмри в том, что он сам справится с задачей, несмотря на свой юный для полицейского возраст. Тот, в свою очередь, непрозрачно намекал ему, что Роберт ищет то, чего нет, из-за отсутствия опыта. Что у них в отделе каждый раз сталкиваются с подобными несостыковками, но это еще не повод открывать дело и тратить ресурсы на поиски несуществующего маньяка. Так Роберт и понял – большинство дел в этом отделении были несчастными случаями.

Главным и пока еще таинственным для него вопросом было «почему?». Зачем кому-то понадобилось убивать известного музыканта? Неужели звезды сошлись и в мире родился новый Марк Чепмен?

К Роберту подошла молодая девушка со светлыми воло-

сами и попросила пройти за ним.

Они поднялись на лифте на пятый этаж и долго шли по длинному белому коридору со множеством дверей. На каждой двери красными цифрами обозначался номер кабинета.

Нужная дверь оказалась в самом конце коридора. Они вошли в гигантское ярко освещенное помещение с множеством столов, рядом с каждым стояли медицинские аппараты и шкафы для пробирок.

– Меня зовут Кэт, – сказала девушка, – я буду проводить анализ. Давайте вашу бутылку.

Роберт протянул ей пакет. Она взяла его и достала бутылку. Роберт машинально потянулся к ней, чтобы предотвратить порчу улики, но быстро понял нелогичность своих действий. Все отпечатки (а точнее, их отсутствие) уже сняты и отражены в отчете. Настало время взглянуть на содержимое.

– У вас есть какие-нибудь предположения – что там внутри?

– Я думаю, яд.

– Это понятно, но какой? Мы можем сделать анализ с помощью реагентов, но мы должны хотя бы примерно понимать, что искать.

– Переберите все известные яды. Цианид, стрихнин, ризцин.

– У вас широкие познания.

– Я много читал об этом накануне.

– Хорошо. А какое было воздействие этого яда на орга-

низм жертвы?

– Думаю, никакого, ему отрубило голову.

– О боже, какой ужас. И почему вы уверены, что кто-то хотел его отравить?

– Бутылка была вскрыта, и на ней не оказалось никаких отпечатков. Кто-то специально их стер.

– Понятно. Будем смотреть, вы обратились по адресу. Я постараюсь распознать молекулу этого вещества, и мы сравним ее с молекулами известных ядов.

– Спасибо вам. Когда ждать известий?

– Недели три, не меньше. Это трудоемкая работа, мистер Пэл.

– Договорились. Вот моя визитка. Как только найдете что-то, сообщите.

Роберт попрощался с Кэт и вышел из помещения. Он тайно надеялся, что там окажется яд, хотя корил себя за такие мысли. В отделении давно не появлялось интересных дел, и он цеплялся за этот случай, как за последнюю тростинку. Иначе ему придется переводиться, ведь он не разделяет взглядов начальства.

Мимо него по коридору прошла женщина. Она обернулась, и он узнал знакомые черты. Он остановился, она тоже.

– Это вы? – спросила она.

– А, вы же делились со мной сигаретой. – Он подошел ближе.

– Как вы здесь оказались?

– Могу спросить вас о том же.

– Я здесь работаю.

«Еще интереснее», – подумал Роберт.

– А я здесь расследую.

– Убийство Ника Кейва?

– С чего вы взяли, что это убийство?

– Вы сами говорили.

– Действительно. А кем вы здесь работаете?

– Я – биоинформатик.

– Послушайте, – начал он, – я ведь совершенно ничего не знаю о биоинформатике.

– И что?

– Вы не могли бы... Рассказать мне об этом побольше?

– Вам стоит говорить прямо, я не понимаю намеков.

– Не хотите ли выпить со мной чашечку кофе как-нибудь?

– Вы знаете, нет, не хочу. – Она сказала это так просто, что он не сразу понял смысл ее слов.

– Ммм... а я очень хочу, – возразил он. – Возьмите хотя бы мою визитку. – Он опустил руку в портфель и выудил оттуда небольшую бумажку. – Вдруг вы когда-нибудь передумаете.

– Кто знает, – сказала она равнодушно. В тусклом свете коридора не было видно ее смущения.

– До свидания.

– Прощайте.

Роберт вышел из здания. Спуск по адской лестнице был

ненамного легче, чем подъем, – его икры устали и теперь дрожали от каждого шага. Теперь, когда прошла неделя после происшествия, он смог получше разглядеть Нину. Что-то в ее облике показалось ему знакомым. Но не темные кудрявые волосы и белый халат, а что-то на уровне инстинктов. Он как будто где-то уже видел такого же человека, но в другом теле.

5

Большую часть времени Нина работала дома, за ноутбуком. Вот почему она стала биоинформатиком, а не простым биологом – тебе не нужно ничего, кроме программного обеспечения, которое умеет считать. Ее работа заключалась в предсказании. Она, как настоящий маг, строила последовательности нуклеотидов в ДНК, секвенировала их и составляла прогнозы – подействует лекарство на человека или нет. Ее прельщало заниматься такой наукой. Осознание того, что ты, сидя дома, решаешь судьбу человечества – безусловно, благотворно влияет на самооценку.

Сейчас в совете ученых «Элайн Фарма» работали над созданием универсального лекарства от опухолевых клеток. Не так давно группа британских биологов обнаружила ген, отвечающий за рост мягких тканей, и компания «Элайн Фарма» тут же взялась за дело – необходимо было проработать молекулу такой структуры, которая бы идеально влияла на мутировавший ген, останавливая развитие рака или любых

других опухолей.

В ходе этой напряженной работы Нине приходилось практически каждый день являться в офис, чтобы показывать свои результаты работы и видеть результаты работы молекулярных биологов.

Она пришла на работу к шести часам утра и уже целый час мучилась от дикой сонливости. Сегодня ей не удалось поспать, потому что всю ночь она думала о том, как встрети-лась накануне с Робертом, и не могла решить, нужны ли ей эти отношения. Эдди говорил, что не нужны. Но ведь Эдди любит ее, как он мог сказать другое?

Она сидела в самом конце компьютерного класса в пол-ной темноте – никого еще не было в офисе, и она решила не включать свет, чтобы не раздражать и без того уставшие глаза. Вдруг послышались шаги, и дверь открылась. На по-роге показалась Кэт. Нина сидела тихо. Кэт прошла к кулеру и налила себе воды. Она села за ближайший стол, осушила стакан и обхватила голову руками.

– Кэт, – шепотом позвала Нина.

От испуга Кэт пролила оставшуюся воду на клавиатуру компьютера. Она всматривалась вглубь комнаты, пытаясь разглядеть незнакомца, но в результате включила свет. Нина сощурилась от ярких ламп.

– Зачем ты так, – простонала она.

– Нина? Что ты тут делаешь в такую рань?

– Готовлюсь к совещанию. А ты?

– Я кое-что нашла. – Ее тон был заговорщическим. – Я нашла такой ужас, Нина, ты не поверишь!

– Какой?

– Диамфотоксин!

– Что? – Нина почувствовала тяжесть внутри, как будто по ее пищеводу спустился кирпич.

– Диамфотоксин. Ты знаешь, что это?

– Нет. – Ее руки начали предательски дрожать.

Кэт подошла к ней, и Нина спрятала предателей под стол.

– Ну загугли, – не унималась Кэт.

Нина открыла страницу поисковика и набрала «Диамфотоксин». Она знала об этом все, но не могла сказать об этом Кэт. Никому не могла. Кроме Эдди, но Эдди – всего лишь ее воображение.

– Ты в этом уверена? – спросила Нина.

– Я десять раз перепроверила. Почему, ты думаешь, я все еще здесь?

– И откуда он мог взяться?

– Я не знаю. В этом-то и дело.

Кэт выглядела сильно уставшей. Под глазами были темные круги, светлые волосы растрепаны, а зрачки сужены, как будто она выпила литр эспрессо.

– Мне нужно срочно позвонить детективу Пэлу.

– Ты уверена, что звонок детективу в шесть часов утра – это хорошая идея?

– Но я должна...

– Тебе лучше пойти домой поспать. Хочешь, я сама ему позвоню?

– Мне нужно составить отчет и распечатать.

– Я сама могу это сделать. Не волнуйся.

– Нина, ты такая добрая. – Кэт изможденно улыбнулась.

– Не благодари.

Кэт отвела Нину в лабораторию и показала свои вычисления.

– Я домой, а тебе – удачного дня.

– Не пей больше кофе. – Нина по-дружески обняла Кэт.

– Ты очень милая.

Кэт вызвала такси. Нина подошла к окну и проводила коллегу взглядом до машины, чтобы убедиться, что та ушла. Когда кроме нее и охраны в офисе никого не осталось, Нина заперла лабораторию на ключ и села за компьютер. Она открыла документ с отчетом. В графе «Найдено ядовитое вещество» изменила «да» на «нет» и стерла название – «диамфотоксин», изменив значение на N/A, что означает «недоступно». Отправила документ на печать, затем взяла бутылку с оставшейся водой и вылила содержимое в раковину. Приготовила раствор хлорки и промыла емкость и поверхности вокруг. Затем добавила в бутылку воду из кулера, вытерла, вернула в пакет для улик. Вернулась в компьютерный класс и настроила на телефоне напоминалку – «Позвонить Роберту». Бутылку она положила в свою сумку.

Сегодняшнее собрание прошло как нельзя лучше, совет ученых стремительно приближался к завершению задачи. Полученная молекула встраивалась в ДНК почти идеально, значит, они были на верном пути. Нина так и не позвонила Роберту, она решила, что ей не помешает посоветоваться с Эдди.

Она набрала Кэт и убедилась, что та не берет трубку – значит, спит, и она не сможет известить детектива о результатах исследования раньше Нины.

Нина ушла из офиса в половине второго и тут же отправилась в парк, чтобы набрать немного свежих листьев и земли.

Когда она пришла домой, Эдди встретил ее горячим поцелуем и предложил чаю.

– Ты же не умеешь это делать, – возразила Нина.

– Но мне ведь ничего не мешает предложить.

После скромного полдника они занялись любовью. Эдди был чуть более нежным, чем обычно, с ним у Нины всегда получалось достичь пика. Больше ни с кем не было так легко, как с ним. Она закурила.

– Тебе не стоит этого делать, – сказал Эдди.

– Почему?

– Тебя можно будет узнать по шлейфу табачного дыма. Сейчас нужно быть осторожнее, чем обычно.

Нина потушила сигарету и обняла Эдди. Она взяла со стола стопку бумаг и карандаш и принялась рисовать какую-то

схему.

– Что это?

– План защиты. Мы должны четко продумать мое алиби и дальнейшие действия.

Она начертила несколько овалов и подписала каждый. «сборная сцена», «бутылка», «клининговое агентство», «мама», «Кэт», «другие коллеги», «квартира», «загородный дом».

– Давай начнем по порядку, – предложила Нина, – кто может узнать о том, что механизм сборной сцены был поврежден?

– Тот, кто разбирается в этом.

– Глупость, никто ее толком не тестировал, это новая технология, и никто не знает, как она работает.

– А если они обратятся в поддержку?

– Ну тогда им придется отправлять все устройство на проверку в комиссию, вряд ли в нашем городе станут так заморачиваться.

– Но это ведь Ник Кейв, могут и заморочиться.

– Ты прав. Давай пока что оставим этот вариант и вернемся к нему позже. Что с бутылкой?

– Ты позвонишь детективу и скажешь, что в ней ничего не нашли.

– А если Кэт позвонит ему до меня? Или если она позвонит ему позже и все расскажет?

– Придется тебе поговорить с ней.

– По какой причине она могла бы не рассказывать об этом?

– Ты можешь убедить ее, что она ошиблась в расчетах, потому что работала ночью. Ладно. Клининговое агентство. У них есть твоя фотография. – Эдди ходил по комнате взад и вперед.

– Я работаю там пять лет, это еще ничего не значит.

– Биоинформатик, который подрабатывает уборщицей? Ты это серьезно?

– Я найду, что сказать детективу.

– Ладно. Тогда мама.

– Она может рассказать о моем характере. Но она меня плохо знает, так что это не страшно.

– Кэт?

– Тут уже сложнее. Она может выдать, что я иногда прихожу в лабораторию просто так. Но я попытаюсь убедить Роберта, что это нужно для работы. Не более чем совпадение.

– Другие коллеги? – Эдди зачитал предпоследнюю подпись. – Это кто?

– Те, с кем должно быть согласовано мое алиби. Тут все учтено.

– Твоя квартира и загородный дом.

– Надеюсь, что до загородного дома он не доберется. На всякий случай придется туда съездить и прибраться. Давай займемся этим завтра.

– Хорошо. А теперь твое алиби.

– Утром я приходила в лабораторию, Гарольд может это подтвердить. Потом дома я говорила с мамой по скайпу. Затем пошла в книжный, на обратном пути решила пройтись пешком, дошла до автобусной остановки, где находится клуб, покурила.

– Думаешь, он начнет тебя допрашивать?

– Кто знает, я должна быть готова.

Нина еще несколько минут сидела молча, проговаривая про себя алиби. Потом взяла телефон и набрала номер с визитки Роберта.

– Алло, это Роберт?

– Да, а вы кто?

– Это Нина. Вы дали мне свою визитку.

– Ааа, девушка с сигаретами.

– Точно.

– Прошло почти три недели с нашей последней встречи.

Что заставило вас позвонить мне?

– Да я тут обдумывала ваше предложение попить кофе. И подумала, что оно не такое уж абсурдное.

– Причем здесь абсурдность?

– Ну... Вы расследуете дело, приходите в фармацевтическую компанию и встречаете там человека, которого видели рядом с местом преступления.

– Да, пожалуй, это странно.

– Когда и где вам удобно?

– Кафе «Тайм» на главной улице, знаете такое?

– Да, знаю.

– Давайте завтра в пять часов вечера?

– Договорились. Роберт, коллега сегодня передала мне результат исследования воды из той бутылки.

– Ааа... Она с вами поделилась моими соображениями?

– Да. Результат отрицательный.

– То есть никаких ядов?

– Да, никаких.

– Вы меня очень этим расстроили.

– Сожалею. Результаты у меня на руках, я могу принести их вам завтра.

– Было бы замечательно.

Нина положила трубку и выдохнула. Завтра утром придется получше проработать свое алиби, чтобы детектив ничего не заподозрил. Соглашаясь на эту встречу, она ставила под удар не только свою жизнь, но и жизнь Роберта Пэла.

7

Роберт отдал охране расписку, повесил куртку на согнутую руку и, вдохнув поглубже, открыл дверь в комнату свиданий. Эти встречи давались ему нелегко, хоть и были довольно частыми. Каждый месяц в течение последних трех лет он навещал Александра, но до сих пор не определился со своим отношением к этому человеку.

За металлическим столом сидел темноволосый молодой мужчина, которому еще не исполнилось тридцати. Он был

искренне рад видеть своего друга. Что Роберт мог отличить, так это искренность. Может быть, и еще кое-что, но ему тогда никто не поверил.

Улыбка Алекса была такой добродушной и располагающей, что и на секунду нельзя было предположить, что пять лет назад он, сидя на крыше торгового центра, одним нажатием кнопки убил девять человек и испортил здоровье шестью.

Они проводили за разговорами почти по два часа подряд из положенных Алексу двух в месяц. Больше никто к нему не ходил: его приемные родители отказались от «родства с животным», а журналисты за давностью лет перестали интересоваться его делом.

Чаще всего во время этих встреч они говорили о людях. Истории были связаны со случаями из полицейской практики Роберта: мнение Алекса вносило в обсуждение некую весомость. «Видят ли сны звезды? Понимает ли психопата психопат?» – вот типичные терзания Роберта.

Но никогда они не обсуждали самого Алекса. Роберт зарекся поднимать эту тему, после того как полтора года пытался добиться смягчения наказания и отправить друга не в тюрьму на пожизненное заключение, а на лечение в психиатрическую больницу, при этом не получив никакой моральной поддержки и не заметив намерения выжить у самого преступника.

Алекс больше прочего хотел говорить об искусстве, лите-

ратуре, просил Роберта читать к их очередному свиданию ту же книгу, что и он, чтобы они могли обсудить свои впечатления.

«Мне хватает историй в повседневной жизни, – сказал однажды Роберт. – Книги – для развлечения, я не хочу обсуждать проблемы несуществующих людей».

Однако он не возражал и слушал, когда Алекс пересказывал ему сюжет, – или из жалости, зная, что другого шанса выговориться у него нет, или подсознательно чувствовал, что этот созидательный опыт может ему пригодиться (теперь я знаю, как читает эту книгу психопат?).

Алекс проследил глазами за другом, когда тот молча сиделся напротив. С самого звука открывающейся двери эта встреча не походила на другие.

– Привет.

– Привет, – чуть более живо, чем нужно, ответил Алекс.

– Как дела?

– Хорошо. Я прочитал «Камеру обскура». А что сделал ты? – попытка разрядить обстановку была немного вызывающей.

– Хочу тебя спросить. – Он сделал паузу, осмотрев потолок и стены на предмет камер. Их было четыре – в каждом углу. Избежать этого было невозможно, поэтому он стал говорить еще тише: – Как ты думаешь, каким будет типичный портрет женщины, которая способна убить человека?

– Я думаю, это любая обычная женщина. Или любая

необычная женщина. Такая же, как и любой мужчина. При чем тут вообще пол? Каждый человек способен убить. Вопрос в том, убивает он или нет.

– Наверное, да. А если я поставлю вопрос так: как выглядит женщина, которая вот-вот убьет кого-то?

– Так, как свойственно для ее характера. Она будет выглядеть соответственно эмоциям, которые испытывает. Намерение убить у каждого человека проявляется разными эмоциями. У некоторых схожими: замкнутость и отчуждение от жертвы, но никогда нельзя знать это наверняка. Если только это не последние три секунды перед убийством в порыве гнева. Но тогда есть только три секунды, чтобы уловить намерение.

Роберт молчал, погружившись в свои мысли.

– Если ты хочешь узнать что-то конкретное, тебе придется рассказать мне.

– Вполне конкретное. Но я не могу рассказать. Город маленький. Здесь камеры, и если вдруг кто-то будет просматривать запись и окажется знаком с этим расследованием, то он может все испортить своим вмешательством.

– Как хочешь.

– Ладно, предположим, есть человек, который внезапно оказывается рядом с местом преступления.

– Как банально. Вернулся посмотреть? – Алекс усмехнулся.

– И зачем-то говорит, что был равнодушен к жертве.

– Это настолько классика, что скорее просто совпадение.

– А потом оказывается, что для жертвы были приготовлены две ловушки. Одна рассчитана на случайное везение, вторая – чтобы наверняка. Если первая не сработает. И вторая – очень специфична. настолько специфична, что лишь несколько человек в городе могли быть к этому причастны.

– Понятно. Значит, человек рядом с местом преступления – один из причастных. Вероятность крайне мала. Если только он... Я так не могу. Если только ОНА не хотела быть пойманной, то это не она.

– Зачем ей может хотеться быть пойманной?

– Если она в отчаянии и на самом деле не хотела убивать и жаждет наказания. Или если она устала.

– Устала от чего?

– Нет, это совсем глупо, я даже не буду это говорить. Я думаю так: есть три варианта. Падшая личность, которой хочется прекратить свое существование. Глупая личность, которая вообще ничего не продумала. Но это вряд ли, если запасной вариант, как ты говоришь, специфичен. И третий – жажда славы.

– Ага, но нет. Третий – настолько типичен, что нет.

– Не исключай его. Человек может быть весьма скромным и скрытным. Именно такие испытывают нехватку выразительных средств, чтобы потешить свое эго.

– Я склоняюсь к первому варианту.

– Или она не виновна, и ты зря ее мучаешь.

От нахлынувшего потока мыслей Роберт не мог усидеть на месте. Он встал и принялся ходить по комнате.

– Может, стоит оставить беднягу в покое, если ты не уверен?

– У меня предчувствие.

– О! Перед этим я бессилён.

– А что, если она не в себе?

– А тебе часто встречались такие?

– Один раз. – Его шаг ускорился.

– И кто же это был?

– Я не могу тебе сказать.

– Посмотри правде в глаза, Берт. Хватит обманывать меня и себя.

Роберт старался не смотреть на собеседника. Если он посмотрит, то его слова станут правдой и полтора года работы уйдут в пустоту. Не только полтора года работы, но и его вера в людей.

– Я не зря это делал.

– Прости, дружище, но я нормальный. Я абсолютно нормальный. И я сижу здесь и буду сидеть, пока не слохну от скуки или от электрического стула, потому что я сделал это сознательно.

– Ты был не в себе, ты не можешь быть таким!

– Могу. Перестань отрицать. – Алекс встал и преградил ему путь. – Люди – говно.

Роберт попытался его оттолкнуть, то не смог.

– И в голове у них может быть все что угодно.

Роберт попытался отойти, но Алекс возникал на его пути быстро, со всех сторон.

– И в любой момент. – Внезапно Алекс с силой и ловкостью хищника схватил его за шею и прижал к стене. – Они могут перемениться и попытаться тебя убить.

Зрачки Роберта расширились, но он не сопротивлялся.

– Не веришь? – спросил Алекс. – Не веришь, что я могу сделать это снова, несмотря на всю доброту, которую ты ко мне проявил?

Раздался громкий звонок, как будто заорал огромный металлический ребенок, и в открывшуюся дверь ввалился охранник, держа перед собой электрошокер.

– Нет, – ответил Роберт.

Охранник был в нескольких сантиметрах от них, Алекс уже отпустил жертву.

– Не надо! – крикнул Роберт, но опоздал на какую-то долю секунды. Алекс неестественно задергался и распластался на полу. Когда судороги прошли, на его лице осталась ехидная, злая улыбка.

– Вам лучше уйти, – сказал охранник.

– Пока, Алекс.

– Роберт, я не стану тебя убивать, честно! Ты мне не веришь? – Он смеялся.

Роберт сел на последний поезд до города, ему предстояли два часа раздумий под мерное постукивание колес. Он думал о своих университетских годах в институте психоанализа и о Габриэле Стокманне. Этот чудаковатый джентльмен с не менее чудаковатым именем был его кумиром в течение первых и последних двух лет обучения. Он всегда носил старенький твидовый костюм, который, скорее всего, стирал очень часто, потому что пахло от него приятно – книгами и немного формальдегидом.

Держался он очень уверенно и, казалось, досконально понимал все возможные процессы, происходящие в мозгу человека. Еще он возлагал надежды на юного Роберта, который отвечал ему взаимно – восхищением и готовностью помочь: перенести книги из кабинета в кабинет, подготовить аудиторию и прочие хозяйственные дела. Иногда Роберту даже позволялось проверять вместе с Габриэлем работы своих сокурсников, задерживаясь после учебы.

За это время образ Габриэла стал несокрушимым в сознании Роберта. Тем более ужасным оказалось его разочарование в профессоре, когда он понял, что Стокманн просто человек и, может быть, ничем не лучше самого Роберта. Он увидел в своем преподавателе отражение всех своих недостатков, и ему стало ужасно стыдно. Стыдно за то, что он так нелепо верил в сотворенный им самим идеал. Стыдно за то, что он в итоге оказался умнее и чувствительнее Габриэла. Стыдно, что поверил ему, когда тот сказал, что с Алексом

все в порядке.

Их первое знакомство в тот же день переросло в крепкую, пусть и недолгую дружбу. Роберт подсказал Алексу ответ на одной из вводных лекций по анатомии человека.

– Нейромедиатор, – шепотом сказал он.

– Это нейромедиатор, – повторил Алекс в полный голос.

– Садитесь, все верно. – Преподаватель заметил подсказку, но сделал вид, что не обратил внимания. – Вы, очевидно, ходили на подготовительные курсы. И правильно.

Роберт ходил, а Алекс – нет. Как сказал сам Алекс, у него была другая цель обучения. Ему не нужны были высокие оценки, он просто хотел лучше понять себя. А если повезет, то научиться понимать мотивы других людей. Роберт надеялся окончить институт с отличием и стать психологом. Его убедили родители, которые сказали, что сейчас за это много платят. «В наш век информационных технологий все более популярной становится гигиена души», – так он сказал на вступительном собеседовании и всегда повторял свои слова.

Когда пришло время выбирать научного руководителя, они оба попросили Габриэла Стокманна. Только Стокманн чуть лучше относился к Роберту, и Алекс это замечал. Он старался не показывать, что ему обидно за такое разделение, и хотел доказать, что не хуже друга. Но каждый раз сам для себя находил отговорки и приходил на занятие неподготовленным. Роберт был не против дать другу списать домашнее

задание. Почти каждый день они вдвоем первыми бежали к аудитории и располагались около двери – Роберт, согнув спину, и Алекс, использовавший ее как письменный стол.

Они оба пользовались успехом у женского пола, хотя Алекса, казалось, любовь мало заботила. Пару раз они ходили на двойные свидания, но Алекс портил романтическую атмосферу спорами о человеческой психике. Главный вопрос, который его беспокоил, был неисчерпаем, поэтому спор мог продолжаться несколько часов. И этот же вопрос стал для него приговором.

Никто не знает, с какого момента началась его одержимость, но Роберт видел ее и пытался склонить друга к другому мнению.

Алекс был убежден, что современного человека ничто не останавливает от совершения насилия.

– Как это – не останавливает? А как же социальные нормы поведения? – возражал ему Роберт, наматывая спагетти на вилку.

– Какие нормы? Вот ты говоришь о нормах. А между тем когда-то и гомосексуализм был не нормой.

– Ну сейчас на этот счет много разных мнений.

– Перестань мыслить нормами. Все, что имеет значение, – может человек сделать это физически или нет. – К ним за столик подсел Марк, однокурсник.

– Но физически здоровый человек тоже не может убить. Природой в нас заложено отвращение и страх перед наси-

ем.

– Природой заложено и баб любить, но это все близко к стереотипам. Как ты определишь, заложила природа в человеке неприятие насилия или нет?

– Ой, вы тут про педиков, я пойду. – Марк ушел, не успев приземлиться на стул.

– Обычно у тех, кому не заложила, есть и другие проблемы с социализацией, – продолжал Роберт.

– А если нет? Нет, давай не так. Если есть отвращение, но не настолько, чтобы помешать совершить убийство. Тогда что?

– Тогда должен помешать закон.

– Закон не помешает, он просто посадит в тюрьму, но уже после совершения преступления. Так что нет закон не мешает.

– Страх перед правосудием.

– А если отбросить эти страхи? Предположим, мне нечего терять. Что, если у меня какая-нибудь раковая опухоль? Кто остановит меня, если я захочу пойти, скажем, в торговый центр и перестрелять там кучу людей?

– Я надеюсь, это абстрактный пример.

– Само собой. Но ты только подумай, если человек находится в безвыходной ситуации и жизнь только что дала ему по башке, имеет ли он право? Может ли физически? Захочет ли он отомстить мирозданию за свою, скажем, болезнь?

– Думаю да. – Он сдался.

– И никто его не остановит?

– Похоже на то.

Внезапно лицо Алекса сделалось очень серьезным и хмурым.

– Я хочу написать об этом курсовую.

– У Стокманна?

– У кого же еще.

– Он не примет.

– Почему?

– Ты же знаешь его, он слишком консервативен для того, чтобы вникать в твою тему. Скажет, что это «раскольничество».

– Что это? – медленно спросил Габриэл, он отчаянно пытался сохранять самообладание, в аудитории был весь второй курс. – Что это такое, я спрашиваю вас, молодой человек?

Алекс покраснел, но был твердо намерен держаться гордо.

– Это моя курсовая.

– Я вижу, что это ваша курсовая. Но это не та курсовая, над которой мы с вами работали два месяца.

– Я решил, что эта тема для меня важнее.

– А я ставлю оценку за ту курсовую, которую ожидал получить. То есть ноль.

– Почему?

– У вас синдром бога, Алекс. Я не собираюсь его поощ-

рять, особенно в рамках вашего обучения.

Алекс покраснел еще больше, собрал вещи и молча вышел, хлопнув за собой дверь. А выйдя, еще и пнул несчастную дверь ногой, тут же сморщив лицо от боли. «У меня все получается наперекосяк. Я ничего не могу сделать нормально, даже уйти».

Роберту было невыносимо смотреть на эту сцену. Он хотел побежать за другом и поговорить с ним, но в то же время он не мог уйти. Между ним и профессором как будто установилась телепатическая связь: он одним взглядом говорил Роберту: «Не иди за ним. Ему нужно преподать урок. Я могу сделать тебя специалистом. А что он тебе даст?»

Он так и сидел до конца занятия, раздумывая над тем, правильно ли сделал, что остался в аудитории.

Когда студенты разошлись, а Габриэл упаковывал в чемодан последние курсовые, Роберт решил подойти к нему. Даже сейчас он помнит этот разговор слово в слово и может, как будто наяву, увидеть помещение, сшитые курсовые, лицо профессора и плинтус, на который он смотрел во время беседы.

– Вам не кажется, что Алекс ведет себя странно? – Взгляд устремился на лицо Габриэла, потом на плинтус.

– В каком это смысле?

– Он слишком увлечен темой убийства.

– Вы про курсовую? В этом нет ничего уникального, каждого второго юношу его возраста заботят темы жизни и смерти. Прибавьте к этому максимализм, тяжелый переходный возраст, тяжелое детство, где мать отказалась от него, и получится то, что у вашего друга на душе.

– Вообще-то я не про курсовую. Не знаю, как вам сказать... Но он говорит об убийствах, всегда примеряя роль убийцы на себя. Это тоже нормально?

– И это нормально. Кстати, он может многого добиться. Люди, которые умеют встать на место объекта обсуждения, то есть обладающие хорошим воображением, обычно бывают хорошими психоаналитиками.

– Вы уверены в этом на сто процентов? Почему же вы не приняли его курсовую?

– Потому что он должен понимать, где его фантазия, а где реальность. Потому что мы работали по теме бытового насилия, а он решил показать мне свою самостоятельность и написал курсовую на тему, в которой я ему отказал. Вы, наверное, хотите спросить, почему отказал?

– Да.

– Потому что чем больше «окучивать» свою фантазию, тем более реальной она становится.

– Не об этом ли я вам говорю? Он слишком погряз в этой теме, она становится реальной.

– Не становится.

– Как же нет, он постоянно приводит примеры как он мог

бы взорвать кого-нибудь или расстрелять.

– Роберт, меньше одного процента людей действительно совершают насилие, о котором говорят. А здесь он даже не высказывал намерения. Или высказывал?

– Нет.

– Тогда вам не о чем беспокоиться. – Он уже стоял у выхода из аудитории. – Извините меня. Оревуар, – он кивнул в знак прощания, – мне нужно к другим студентам.

День, когда это произошло, был солнечным. Майские цветы уже распустились, на деревьях висели маленькие зародыши листьев, а воздух был свежим и вкусно пах наступающим летом. Роберт собирался со своей тогдашней девушкой Мари в парк аттракционов в центре, а до этого они хотели зайти в ювелирный в «Эмеральд-Молл» и выбрать ей подарок на день рождения.

– Цены в этом «Эмеральде» совсем конские, – по громкой связи говорила мама. – Жаль, что у нас не купил, у нас-то дешевле было бы.

– Знаю, мам, но я не планировал такой подарок, идея была спонтанной. Не поеду ж я теперь за пятьсот километров ради одного украшения.

– Покупай серебро, – советовала мама, – оно дешевле. А лучше даже не заходить в отдел с золотом, чтобы твоя Мари не захотела дорогую побрякушку.

– Хорошо, мам. – Роберт завязывал галстук и параллельно

смотрел новости по центральному каналу.

– Главное, не перепутай белое золото с серебром.

– Как я могу, они же будут отличаться по цене.

– А вот и нет, в «Эмеральде» нет ценников. А уж если она захочет что-то дорогое, просто увидит украшение, то потом сложно будет отказывать. Ты же понимаешь?

– Мам, включи телек.

– Он и так включен, а что такое?

– Центральный канал. Новости. Срочно, мама!

В левой руке Роберт сжимал незавязанный галстук, в правой – пульт. Большой палец правой руки свело судорогой на кнопке громкости, и теперь голос ведущей новостей простирался далеко за пределы квартиры. Его взгляд потух, в коленях резко возникла слабость, а легкие как будто скользнули вниз, к желудку.

– Мы выяснили имя террориста, – вещала женщина с экрана, – им оказался двадцатидвухлетний Алекс Коул, студент кафедры психоанализа.

Роберт убавил громкость.

– Мам, – позвал он, – ты еще там?

– О господи, Роберт. Вы же собирались туда! Туда ведь, да? Скажи мне!

– Мама, это не самое страшное. Человек, который это сделал, – мой лучший друг.

Роберт повернул в замке ключ и зашел в квартиру. Ту са-

мую, где пять лет назад стоял, завязывая галстук, перед телевизором. Он взял со столика пульт и включил первый попавшийся канал. Магазин на диване – вот лучший способ снять стресс. И «Джемесон». На половине бутылки он крепко уснул.

9

Всю ночь Роберту снилось, что он курсант в полицейской академии и сдает экзамен. Только вместо привычных вопросов его спрашивают, кто такая Нина и какие улики против нее есть у Роберта.

Наутро он проснулся разбитым – мало того, что в голове была каша после вчерашних встреч, так еще и не выветрившийся «Джемесон» отзывался головной болью и тошнотой.

Он решил, что лучший способ помочь себе пережить похмелье – наведаться в офис и заняться раскопками дела пятилетней давности. Была суббота, следовательно, в офисе никого не должно быть и ему не будут задавать лишних вопросов.

В офисе он был к девяти тридцати, но, к своему удивлению, застал там коллегу, Майкла Кофмана, который, похоже, и не уходил вчера вечером: его волосы казались грязными, рубашка помятой, да и лицо было не первой свежести.

– Ты чего тут делаешь? – спросил Роберт.

– Могу тебя спросить то же самое, новичок.

– Я давно не новичок, пора тебе к этому привыкнуть.

– Новичок-новичок, ты только в прошлом году академию закончил.

– Ты не с той ноги встал?

– Нет, я вообще еще не вставал. И не ложился. – Предположения Роберта оказались правдой.

– Так с каким делом ты провел ночь?

– Про этого, Ника Кейва. Что ж еще.

– Нарыл что-нибудь?

– Я думал. Думал-думал и ничего не придумал. Но я бы поделился своими соображениями, если ты принесешь мне кофе.

Роберту стало интересно, до чего докопался коллега, но раскрывать свои карты он не хотел. Если он сам найдет убийцу, то его авторитет в участке вырастет раз и навсегда. А пока он самый младший в этом учреждении, и почти каждый полицейский, особенно детектив Кюмри, считает нужным ежедневно ему об этом напоминать.

Он принес коллеге большую кружку кофе и сел напротив.

– Ну, рассказывай.

– Сцену устанавливали за один день до концерта, так?

– Так.

– Я проверил и узнал, что в день концерта доступ к сцене был только у звукорежиссеров, фотографа, менеджера и артистов. Артистов и их менеджера я уже опросил, вряд ли это они. Все убиты горем. И алиби у них несокрушимые – они все время были вместе и никто не отлучался. Звукорежиссе-

ров было всего двое. Они пока что под подозрением. Один фотограф тоже под подозрением.

– То есть это кто-то из них троих?

– Не факт. Возьмем день до концерта – там доступ к сцене был у монтажников и уборщиц. Сегодня нам нужно будет проверить их всех. Я еще не приступал. Не хочешь заняться?

– Не хочу, но могу.

– А если это кто-то из них? Представь себе, если ты раскроешь это дело! Какое уважение к тебе сразу появится!

– Я не думаю, что это кто-то из них.

– Почему?

– Шестое чувство.

– Ну началось.

– Ладно, я хочу их проверить, доволен?

– Да. – Майкл расплылся в улыбке. – А я поеду домой, посплю, пожалуй.

Он допил кофе, собрал бумаги, которые лежали на столе, и сгреб их в портфель. Снял тапочки, обул уличную обувь и не спеша вышел из офиса. Роберт облегченно вздохнул. Ему не хотелось, чтобы кто-то знал, что он работает над другой версией произошедшего. Он собирался закрыть дело самостоятельно.

На столе лежали три стопки сшитых листов – каждая толщиной по три-четыре сантиметра. Роберт заблаговременно сделал ксерокопии материалов по делу Алекса. Он не знал,

для чего, но подсознательно догадывался, что они ему пригодятся. Основной объем этих материалов составляли письменные расшифровки бесед Алекса с психотерапевтом. Роберт не читал их полностью, не было смысла. Достаточно было заключения врача о том, что Алекс полностью вменяем. И теперь он был твердо уверен, что ему нужно их просмотреть.

Он листал страницу за страницей, вчитывался в ответы Алекса. В каждой реплике он находил подтверждение тому, что искал: психологические портреты Алекса и Нины совпадали.

Одна сессия поразила его больше всего.

– У меня рак, – сказал Алекс.

– Вот как. – Видно, что врач не сразу нашелся, что ответить на такое признание. – И давно?

– Не очень, около года.

– Как вы себя позиционируете в связи с этим? Нет ли у вас ощущения безысходности или нежелания жить?

– Абсолютно нет. Мне его вырезали недавно. И теперь я здоров.

– То есть то, что вы сделали, не связано с вашей болезнью?

– А вы думали, что я такой несчастный, жертва судьбы, решил из мести за несправедливость этого мира взорвать десяток человек?

– Нет, я так не думаю.

– Я нормальный. Я не устану это повторять. Я не псих, я сделал это сознательно.

Роберт поежился от холода внутри. Воспоминания о тех днях прорывались сквозь сознание, придавая этому моменту мрачный оттенок. Роберт внезапно почувствовал сожаление и грусть. Ему было одиноко. Должно быть, так же одиноко, как Алексу в его камере. Но у них было разное одиночество. Роберт всегда думал, что Алекс – его лучший друг. А оказалось, что он совсем не знал его. Никогда не знал и никогда не понимал.

– Что это вы делаете? – сказал доктор.

– Вы о чем?

– Ну вот это, крутите ладонью перед лицом. Что означает этот жест?

– Не знаю. Я делаю так, когда мне нужно успокоиться. Вы выводите меня из себя своими вопросами

– Для протокола. В данный момент Алекс делает жест рукой, как будто снимает с себя маску.

У Роберта екнуло сердце. Вот оно, одинаковый, такой знакомый элемент. «Это нельзя ни с чем спутать, – сказал он вслух, – это она».

10

Нина была прекрасна в тот вечер. Роберт подумал, что следовало повести ее в ресторан, а не в кофейню. Небесно-голубой сарафан плавно струился, в нужных местах повторяя изгибы ее тела. Длинные волосы мелкими волнами ниспадали на плечи. Она была стройна и кокетлива, несмот-

ря на то, что ее уже нельзя было назвать юной девушкой. Он встал и отодвинул для нее стул. Никогда раньше Роберт не замечал за собой такой галантности и сейчас не понял, как это произошло. Просто не ухаживать за ней было нельзя.

– Очень рад, что вы согласились на мое предложение, – сказал он.

– Оповестите меня, когда можно будет переходить на «ТЫ».

– Вы очень прямолинейны, да?

– Угадали. Ничего не могу с собой поделаться, честность – мое все. – Она провела рукой по невидимой маске, точно так же, как это делал Алекс. Роберт поразился сходству.

– Что вы сейчас сделали?

– О чем вы? – Она не сразу поняла вопрос. – Ах, это. Меня часто об этом спрашивают. Так делал мой отец.

– И что это означало у вашего отца?

– У него была болезнь. Я не знаю, какая. Он всегда так делал, когда играл со мной. Он показывал призраков.

– А вы их видели?

– Слишком много вопросов, Роберт. Для первого раза достаточно.

– Ладно. Хотите, я расскажу о себе?

– Конечно.

– Я вырос в семье дантистов в городе В., мой отец умер два года назад, а после него заболела мама.

– Сожалею.

– Я закончил полицейскую академию, а до этого учился в Восточном университете на кафедре психоанализа.

– Так вы много знаете о человеческой психике?

– Много не знаю, я, скорее, интуитивно чувствую. Я не окончил университет.

– Почему?

– Слишком много вопросов, – усмехнулся он, – давайте вернемся к вам.

Они заказали кофе, Нина взяла пирожное и долгоковыряла в нем вилкой, пока говорила. Она практически размозжила его по тарелке.

– Я работаю старшим научным сотрудником в «Элайн Фарма». Вся мою работу можно свести к секвенированию генома человека.

– К чему?

– Это довольно сложно объяснить.

– Попробуйте.

– Представьте, что у вас есть двадцать тысяч экземпляров «Войны и мира».

– Допустим, представил.

– Вы их пропускаете через шредер, а потом хорошенько перемешиваете. Потом наугад вытаскиваете из этого вороха небольшую кучку разрезанных бумажек и пытаетесь собрать из них исходный роман.

– Так.

– А еще у вас есть рукопись «Войны и мира». Допустим,

вам сам Толстой ее подарил. Текст, который вы соберете из этой кучки полосок, нужно будет сравнить с этой рукописью, чтобы отловить опечатки (а они-то там точно есть). Вот так же читают ДНК.

– Простите, я не очень улавливаю суть.

– ДНК выделяют из клеточных ядер и делят на кусочки по триста—пятьсот пар нуклеотидов (ведь все нуклеотиды связаны попарно). Молекулы ДНК дробят, потому что ни одна современная машина не может прочесть геном от начала до конца. Последовательность слишком длинная. И по мере прочтения накапливаются ошибки. Так вот, чтобы восстановить «Войну и мир» после шредера, нужно прочесть и разложить в правильном порядке все кусочки романа. То есть мы читаем эту книгу несколько раз по крошечным фрагментам. То же самое с ДНК: каждый участок мы прочитываем с многократным перекрытием, ведь мы анализируем не одну, а множество ДНК.

– Боже мой, как это все сложно.

– Когда создается новое лекарство, секвенаторы прочитывают ДНК, находят там мутации и создают модель. Модель молекулы, которая как бы накладывается на ДНК и должна покрыть нужную мутацию.

– Вот как. И над каким лекарством вы сейчас работаете?

– Все как всегда, Роберт. Рак – главная проблема человечества. Вы, например, знали, что за последние десять лет частота заболеваемости раком увеличилась на пятьдесят про-

центов?

– Я догадывался об этом.

– Рак и другие опухоли, которые растут слишком быстро, – наш профиль. Наша компания, как и многие другие, хочет взять первенство в этих исследованиях. И я вам могу сказать, что мы очень близки если не к разгадке, то к универсальному подходу к лечению опухолей.

– Правда? – Роберт был удивлен. – У моей матери рак.

– Я так и подумала. Мне очень жаль, но вам нужно как можно больше времени проводить с ней.

– А вы разве не скоро откроете лекарство?

– Роберт, от начала открытия лекарства до момента его выпуска в массы проходит десять лет. И это в лучшем случае. Если ваша мама не дотянет еще десять лет, то мне кажется, вам лучше прожить жизнь с ней, а не гнаться за панацеей. К тому же мы еще даже не приступали к этапу тестирования.

– Грустная тема. Давайте закроем ее.

– Давайте. – Нина какое-то время молчала. – Погодите, я ведь не передала вам результаты исследования!

Она открыла сумочку, вытащила листок А4 и бутылку в пакете, передала Роберту. Роберт внимательно изучил заключение.

– А что такое диамфотоксин, и почему вы проверяли именно на него?

– Это один из самых страшных ядов. Почему его включили, не знаю, проверяла Кэт. Тут есть и другие яды: рицин,

цианид, стрихнин. Она передала мне результаты и просила сообщить вам. Она очень устала и сегодня отдыхает дома.

– Надеюсь, с ней все хорошо.

– Просто переработала.

– Спасибо, в любом случае.

– Не за что.

– Нина, у вас есть кто-нибудь?

– Вы имеете в виду, встречаюсь ли я с кем-то? – Она снова провела рукой у лица.

– Да.

– Нет. Предыдущий мой молодой человек исчез неизвестно куда. Мы почти были женаты, но потом он сбежал. Вероятно, в другой город.

– Мне сложно представить, что кто-то мог бы от вас сбежать. Вы очень симпатичны мне.

– Спасибо. – Она слегка покраснела. – А что с этой бутылкой? Это ваша зацепка?

Роберт не знал, стоит ли говорить ей о деталях, ведь она могла оказаться причастной к убийству. С другой стороны, если в бутылке была обыкновенная вода, то какая теперь разница. Тем более что ему безумно нравилась Нина, а откровенность по отношению к ней могла бы сыграть ему на руку – женщины любят честных мужчин.

– Да, знаете, тут сработало мое чутье.

– В каком смысле?

– Иногда какая-то мысль приходит ко мне внезапно, и она

часто оказывается верной.

– Что-то вроде интуиции?

– Что-то вроде.

– И как это было?

– Я вдруг увидел, что коллега, который собирался отпить из бутылки, может пострадать.

– И что, вы сразу подумали, что там яд?

– Нет, я подумал, что неплохо было бы включить всю эту воду в перечень улик. Я заметил, что она из бутылок была открыта, но все еще полная. То есть из нее никто не пил. И уговорил своего начальника снять отпечатки пальцев с еще нескольких бутылок. Так вот, на той самой, открытой, но полной, не было пальцев, кроме моего коллеги. Это показалось мне странным. Потому что на всех остальных были.

– И поэтому вы решили, что там яд?

– Нет, я решил, что это странно, ведь как-то эта бутылка попала на сцену. Ее должен был кто-то принести. А Ник Кейв должен был ее открыть. Но его отпечатков там не было.

– Логично.

– Я несколько разочарован, честно сказать. Я все еще уверен, что с этой бутылкой что-то не так.

– Да ладно вам. Я знаю точно, что Кэт не могла ошибиться, она отличный сотрудник. Хотите, я могу хоть сейчас отпить из нее, и вы убедитесь, что там просто вода?

– Лучше не надо.

– Давайте! Будет весело, если я скончаюсь прямо в кафе. –

Нина рассмеялась. Роберт недоверчиво ухмыльнулся. Глаза Нины стали такими яркими и веселыми, что он чуть было не отдал ей бутылку.

– Нет, я все-таки воздержусь. Я вам верю, но давайте не будем проверять.

– Как хотите. Так мы все-таки можем перейти на «ты»?

– Я был бы рад.

Оставшийся вечер они провели вместе: взяли еще кофе навынос, вышли на прогулку в парк, а потом Роберт проводил ее до квартиры.

– Спасибо за замечательный вечер.

– И тебе спасибо, – ответила Нина, и наступила неловкая пауза.

За эти несколько часов они как будто бы сблизились, хотя она не собиралась рассказывать ему так много. Она очень сожалела о проведенном времени: Роберт мог воспользоваться ею, чтобы довести расследование до конца. Он потянулся к ней, возможно, за поцелуем, но она отстранилась, а потом по-дружески его обняла. Она не собиралась начинать отношения в первый день знакомства. И вообще, отношения – не для нее, у нее есть Эдди.

– До свидания, – сказала она коротко и отвернулась, чтобы открыть дверь подъезда.

– Нина, мы еще увидимся?

– Я думаю, да.

Она тут же пожалела о своих словах. Сожаление – ее самая

частая эмоция. Может, пора было что-то с этим делать?

11

У Роберта снова начиналась бессонница. Это случалось эпизодически, и каждый раз в первое ночное бодрствование он знал точно, что это будет продолжаться несколько дней. Он встал с постели и налил себе чаю. В такие моменты его подсознание было гораздо доступнее, чем обычно, и он решил воспользоваться этим для того, чтобы проанализировать свои действия.

Почему он считал Нину причастной?

Во-первых, она оказалась на месте преступления. Но местом преступления был клуб, а не местность рядом с ним. Пусть это и случайность. Она просто гуляла.

Во-вторых, эта бутылка не давала ему покоя. Почему Нина вернула ему результаты исследования, а не Кэт? Почему оказалось, что Нина работала в крупнейшей фармацевтической компании в стране? У нее были все возможности, чтобы совершить подмену. Но для чего ей подменять результаты?

Ладно, не стоит привязываться к «Элайн Фарма». Были и другие лаборатории. Через три дня после убийства он за сутки побывал в пяти школах и двух университетах, где были более или менее серьезные классы с оборудованием для тестов. Восточный университет согласился провести анализ содержимого, но результат его не удовлетворил, а только еще больше запутал дело. Если бы не их заключение, он бы по-

верил Нине, что там вода.

Профессор биологии Штуль сказал коротко, но ясно: «Я не знаю, что это, но там определенно что-то есть».

Ни одна лаборатория его не зацепила. Его выводы казались ему самому нелепыми: что это значит – зацепило? Но потом он вспомнил, как отчислялся из института психоанализа, и дал себе слово, что отныне будет доверять только своим ощущениям, а не статистике и психологии, чего хотел от него Габриэл.

Только увидев Нину в «Элайн Фарма», у Роберта екнуло сердце. Вот оно – женщина, которая оказалась рядом с местом преступления просто так. Женщина, которая работает в лаборатории. Женщина, достаточно уверенная в себе, чтобы посметь явиться туда? Но ее стошнило, когда он рассказал ей детали преступления. А может быть, стошнило не от подробностей, а от страха быть пойманной?

Роберт вспомнил главную деталь: Нины была похожа на Алекса. У нее был такой же взгляд, как у Алекса, когда его поймали. Спокойствие и потенциальная угроза. У нее был взгляд человека, который только что убил.

А что делать с этим их ужимками? Как так получилось, что два совершенно разных и не знакомых друг с другом человека имели одинаковые жесты? Какая-то мысль роилась в голове Роберта, но никак не хотела вылезать на поверхность. Совершенно исключено, что они родственники, иначе Алекс бы говорил об этом. А может быть, это снова провидение?

Кто-то сверху пытается подсказать Роберту, что Нина – такая же, как его друг, убивший десяток людей?

Выпив чаю и помучившись бесплодными раздумьями, он сел за стол и накидал план работы на будущую неделю:

1. Просмотреть видео с камер.
2. Опросить подозреваемых:
 - два звукорежиссера;
 - фотограф;
 - монтажник;
 - Кэт;
 - Нина?

Написав имя Нины, он поежился. В нем боролись симпатия к ней и желание раскрыть преступление. Ну и что, что она старше его лет на десять, но такой красивой и милой женщины он никогда не встречал и в глубине души надеялся, что у них что-нибудь получится.

Он вернулся к списку дел:

3. Изучить личность Ника Кейва и подобрать мотивы.
4. Поговорить с женой Ника Кейва и изучить соцсети.
5. Найти и опросить несколько свидетелей.
6. Позвонить в компанию – производителя сборной сцены.

На этом план заканчивался, и у него не было ни малейшего понятия, как все эти действия могут привести к разгадке. Детектив Кюмри дал ему месяц, из которого оставалась ровно неделя, чтобы закрыть это дело. Если в течение неде-

ли он не найдет доказательств того, что это было убийство, дело отправится в архив как несчастный случай. И больше никаких шансов, что к нему когда-нибудь вернуться.

12

В воскресенье утром Роберт решил навестить своего брата. Дорога к кладбищу была длинной, и у него было достаточно времени, чтобы обдумать все шаги его плана. Желтый автобус вез его через весь город, где пришлось какое-то время постоять в пробке, затем они выехали в пригородную зону: по правой стороне простирался лес, по левой – синее беспечное море и чайки. Такая обстановка не только располагала к тому, чтобы погрузиться в свои мысли, но и накладывала на них некоторый отпечаток, атмосферность. Роберт называл такой ландшафт эмоциональным пейзажем.

Он вернулся мыслями к тому дню, когда Карл еще был здоров. Старший брат всегда был для него примером для подражания. Мама обычно говорила: «Спроси брата», «Посмотри, как брат делает» или «Учись у своего старшего брата». Когда Роберту было пять лет, он обожал наблюдать за тем, как Карл делал уроки или играл с мальчишками в футбол. Обычно он сидел на скамейке в парке и наблюдал, как Карл, широкоплечий парень, бегают с такими же старшими, как он, по полю и забивает голы. Роберт искренне радовался за него. Но когда он немного повзрослел, вся эта искренняя радость как будто переродилась, и ее место заняла зависть.

Из-за этого он часто ссорился с мамой, которая продолжала ставить Карла в пример. В младших классах Роберт учился плохо и делал это специально, чтобы насолить матери и отцу.

Однажды Карл вывел его на серьезный разговор.

– Роберт, ты должен больше стараться в школе.

– А тебе-то что?

– Ты должен быть примером для меня.

– Мне десять лет, я еще не взрослый. Это я должен брать с тебя пример, а не ты с меня.

– Вовсе нет, Роб. Когда-нибудь настанет момент, когда ты будешь главным из нас двоих.

– Почему ты так говоришь?

– Я болею.

– Чем?

– Не могу тебе сказать. Это очень сложно. Я сам еще не до конца понимаю.

– Но ты выглядишь здоровым.

– У меня что-то сломалось в голове. Поэтому иногда мне бывает плохо.

– Понятно.

– Но ты не переживай, ты всегда будешь моим младшим братишкой. И я буду помогать тебе во всем.

В последующие месяцы произошло несколько совершенно непонятных Роберту вещей. Однажды, когда они всей семьей обедали, родители поссорились. Роберт терпеть не мог их ссоры, потому что они всегда тут же переходили на повы-

шенный тон и взаимные оскорбления. Ему было тяжело выносить крики отца, хотя он знал, что ничего плохого от них не будет и никто не пострадает. Он просто ненавидел негатив.

Он уже собирался встать со своего места и пойти доедать в комнату, как вдруг раздался звук бьющегося стакана. Все повернулись на источник звука: им оказался Карл. Рука Карла, в которой пару секунд назад был стакан, так и осталась висеть в воздухе. Для него как будто бы остановилось время. Он сидел неподвижно на своем стуле, с чуть приоткрытым ртом. Его зрачки были широкими, а с губ капала недопитая вода. Мама тут же подбежала к нему и попыталась опустить его руку, но отец закричал: «Не тронь его! Это все из-за твоей тупости! Видишь, до чего ты довела нашего ребенка?»

Мама приказала Роберту идти в свою комнату, а папа начал звонить по телефону. Роберт тогда не сообразил, что произошло, но ему было жутко. Лицо его старшего брата будто бы превратилось в маску и от этого было еще страшнее. Сейчас Роберт полагал, что сработал так называемый эффект зловещей долины, когда знакомое и приятное лицо приобретает кукольные черты, реальность как будто смешивается с воображением, к горлу подступает тошнота. Эта неизвестность пугала его, и еще несколько дней после этого случая он каждую ночь проверял, действительно ли в их общей комнате спит его брат, или инопланетяне подменили его на бесчувственную обездвиженную куклу.

Через какое-то время все это забылось, и Роберт вновь начинал завидовать брату. Он очень хотел спросить Карла, что же тогда произошло, но боялся, что тот заговорит на незнакомом ему языке. Ему было ужасно стыдно за то, что он избегал общения с ним, и за свою ревность, но ничего не мог с собой поделать. Родители теперь уделяли Карлу еще больше внимания, они постоянно как будто следили за ним, спрашивали о его самочувствии, мама говорила с ним каждый вечер перед сном. Роберт никак не мог понять, почему это с ним так не возятся, хотя он младший брат и нуждается в еще большей заботе, чем Карл.

Пока не случились еще два эпизода. Как-то раз, когда они все вместе ехали в другой город к бабушке, Карл вдруг начал спрашивать маму, видит ли она, во что превратилась Главная улица. Мама в недоумении переспросила его, и тот начал описывать какой-то неведомый им мир, будто бы параллельную вселенную, по которой они ехали. Вместо людей там ходили люди в черных пальто с капюшонами, вместо привычных кустов зелени были горки из камней, вместо домов – развалины. Роберт тайно от всех подслушивал их разговор и уже даже почти увидел человека в черном, как вдруг Карл начал плакать.

– Это опять повторяется, мама, – говорил он.

Мама его обнимала и пыталась утешить, отвернув его голову от окна машины и стараясь закрыть ему глаза.

– Я вижу их, они за нами идут, – повторял Карл. – Они

повсюду, они говорят о нас.

– Это просто твое воображение, мальчик мой. Всего лишь воображение. Отнесись к этому, как к фильму наяву. С тобой никогда ничего не случится, я тебе обещаю.

Роберту очень хотелось, чтобы мама так же обнимала и успокаивала его, когда ему было плохо, но он был слишком смущен, чтобы просить об этом.

Когда у него начался переходный возраст, ситуация не улучшилась. Он по-прежнему оставался тенью Карла, как он сам считал. Именно тогда ему больше всего была нужна их помощь в минуты отчаяния, которые так часто переживает подросток. Но родители как будто и не замечали его метаний. К тому же он стал отличником. Он сделал это для того, чтобы получить внимание, но в итоге навсегда остался просто «умницей». Возможно, они считали, что если у Роберта отличные отметки и все хорошо, значит, ему не нужна помощь.

Он вспомнил свою первую попытку покончить с собой. Сейчас он думал об этом с ностальгическим сожалением. Ему не было стыдно, ведь он не пытался сделать это на самом деле. Ему было так плохо, что он решил испытать себя – будет ли ему страшно умереть. Он сидел в ванной и резал бритвой засечки на руке. Их было штук пятнадцать, крови было море, но он не затронул ни одну вену. Больше всего ему хотелось, чтобы мама, которая так зациклена на Карле, однажды случайно нашла эти ранки и наконец-то поняла, как

ему плохо. Но мама тогда так и не нашла, а прятать рубцы от этих ранок приходится и по сей день. Если кто-то видит их, он беззаботно говорит: «Ошибки переходного возраста», и все вопросы сразу же отпадают.

Ровно через неделю у Карла была защита диплома в университете. Родители и Роберт пришли поддержать его и ждали за дверью. Мама и папа обсуждали, какой торт купить для праздника в честь окончания университета, когда за дверью раздались крик и грохот. В тот день у Карла случился первый припадок, и его увезли в больницу. Всю дорогу до машины скорой помощи он кричал как бешеный, размахивал руками и пытался вырваться.

Роберт начал понимать, что происходит, когда мама вызвала его на серьезный разговор.

– Ты не должен никому об этом рассказывать. Никому, слышишь?

– Но почему?

– Все подумают, что у нас ненормальная семья.

– То есть Карл – ненормальный?

– Он нормальный, просто он болеет, и в больнице ему помогут.

– У него шизофрения, да?

– Да. Откуда ты узнал?

– Загуглил.

Роберт навещал брата почти каждый день, и с каждым днем он все меньше узнавал его. Синяки под глазами, уста-

лый вид, чуть приоткрытый, расслабленный рот и медленная речь. В его взгляде больше не было того огонька и серьезности, которые Роберт помнил и запомнит на всю жизнь.

– Ты снова пришел. – Его голос был тихим и слабым. – Сколько раз тебе говорить, не надо каждый день мотаться ко мне.

– Я скучаю по тебе. – Роберт обнял его.

– Как дела в школе?

– Нормально.

– Ты все-таки последовал моему совету?

– Какому?

– Ну... Подавать мне пример для подражания.

– Ты все еще мой старший брат. И... Я никогда не говорил тебе, но я тебя люблю.

– Жаль, что так получилось, Роб. Я честно хотел бы, чтобы все было по-другому. Я делаю все, что в моих силах, но у меня не получается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.